

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруйко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

О. Б. Дёмин (Одесса)

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В МАКЕДОНИИ В КОНЦЕ IX ВЕКА

В истории славянской письменной культуры македонские земли сыграли не менее важную роль, чем земли Великой Моравии. Если на территории Великоморавского княжества славянская письменность смогла институализироваться, получить легитимный статус языка церковной службы и региональное признание, то в Болгарском царстве она возродилась и начала путь восхождения к восприятию славянским миром. Однако, если внешняя историческая канва развития письменности в Моравии в основных моментах достаточно известна, то македонский ее этап изучен значительно меньше в силу, прежде всего, слабости источниковой базы.

Важнейшим отправным моментом анализа развития славянской письменности в Македонии является признание факта создания Кириллом и Мефодием новой письменности в варианте кириллицы¹. Поэтому ученики Солунских братьев прибыли после 885 г. в Болгарское царство со славянской христианской литургией и славянской письменностью, основанной на кириллической азбуке. Болгария, как и Моравия, принадлежала к «молодым» христианским государствам, и здесь также шла борьба разных церквей: в Моравии – немецкой и местной славянской, опиравшейся на Рим, в Болгарии – греческой византийской и латинской римской. Но позиции греческого мира на Балканах оказались более прочными, ибо еще с языческих времен здесь использовали греческий язык, о чем говорят надписи официального характера первой половины IX ст.² Роль греческого языка усилилась после принятия христианства в 864 г. князем Борисом, а после вселенского собора 870 г. он стал выполнять функции церковного, административного и литературного языка³.

Для князя Бориса появление моравских беженцев оказалось неожиданным. «Пространное житие Климента Охридского» (далее – ПЖКО) свидетельствует, что их специально расспрашивали о ситуации в Великой Моравии, о деятельности Кирилла и Мефодия. Исследователи, говоря о «разведывательном характере» заинтересованности болгар, учитывали, что в 883–885 гг. Болгария и Моравия воевали между собой⁴. В конечном итоге ряд обстоятельств показывает, что руководство страны оказалось не готовым сразу принять взвешенное решение. Вероятнее всего, местное греческое духовенство негативно отнеслось к священникам, подчинявшимся римской церкви, а у князя Бориса не было рычагов воздействия на них.

На какое-то время Климента, Наума и Ангелария разместили в домах людей из ближайшего окружения князя⁵, возможно, чтобы держать под контролем, ибо им разрешали посещать другие места только с разрешения князя. Моделирование ситуации показывает, что княжеской власти была необходима информация о событиях 863 г., когда в Константинополе принималось решение о создании славянской письменности. Это могло санкционировать действия власти по поддержке моравских изгнанников. Поэтому требовалось время на получение ответа из византийской столицы.

После «бесперывных размышлений» – ПЖКО акцентирует внимание на этом действии – князь Борис оставил Наума при себе, Климента отправил в далекую Македонию под надзор своего чиновника Домета (Ангеларий к этому времени умер). При этом, по данным ПЖКО, князь Борис пожаловал Клименту три дома в Деволе и места для отдыха в Охриде и Главинице⁶. Фактически его отправили как частного светского человека с предоставлением владельческого статуса, но не как священнослужителя. Это указывает на осторожное отношение церковных иерархов Болгарии к носителю славянской литургии.

Вместе с тем сложившаяся ситуация давала ему относительную свободу действий в далекой от столичных интриг провинции. Македонские земли с 60-х гг. IX ст. занимали особое место в составе болгарского княжества, т.к. местная элита лишь номинально признавала верховную болгарскую власть. Македонские славяне продолжали жить в условиях традиционного уклада под управлением своих князей⁷. Более того, в церковном плане македонские земли в основном подчинялись непосредственно Константинополю, имели греческих священников, епископов и митрополита, которые использовали византийскую греческую литургию⁸.

Оказавшись вне церковной структуры, Климент, по примеру своих учителей, занялся учительской практикой, дававшей в числе прочего и материальное обеспечение. ПЖКО дает цифру в 3500 учеников, с которыми он занимался постоянно, в нескольких енориях, то есть церковных приходах⁹. Это означает, что он постоянно разъезжал по македонским землям и греческие священники не мешали ему учить молодежь славянской письменности.

Собственно, с появления Климента в македонских землях началось укоренение кирилло-мефодиевского наследия в Болгарском княжестве. До этого времени внешнее изображение букв славянской азбуки, принесенной учениками Кирилла и Мефодия, не играло настолько значимую наглядную роль. Она проявилась только во время

проверки ведомостей моравских изгнанников в Константинополе и в ходе учебного процесса при знакомстве с ней греческих священнослужителей македонских земель.

Большинство славистов считают, что Климент принес в Македонию глаголицу и обучал македонскую молодежь глаголице. На этом базируется утверждение, что особенностью развития славянской письменной традиции западных областей Первого Болгарского царства, ставших со временем частью Охридского патриархата, было продолжительное параллельное использование глаголической и кириллической азбук¹⁰. Действительно, длительное использование глаголицы неким образом может свидетельствовать о её первичности на данной территории, но в то же время не исключает равнозначную возможность проникновения в македонские земли глаголицы в постклиментские времена, когда здесь ослабли позиции греческого духовенства. Прямо ответить на этот вопрос при нынешнем уровне источниковой базы практически невозможно, ибо письменные славянские памятники конца IX – первой половины X ст. на македонских землях пока неизвестны.

Вместе с тем имеется ряд исторических обстоятельств, которые указывают на неправомочность утверждения глаголичности Климента. Как подчеркивается в ПЖКО, образцом для своей жизни Климент избрал учителя Мефодия: «Он стремился к тому и молился о том, чтобы не отклониться от цели в своем наследовании ему»¹¹. Это указывает на верность Климента кирилло-мефодиевскому наследию. Климент не сломался под немецким давлением, ушел в изгнание, не отступившись от учения своих учителей. В Великой Моравии он сознательно защищал азбуку Кирилла и Мефодия, готовый принести свою жизнь ради веры. И это в то время, когда некоторые ученики Мефодия в Моравии, как можно допустить, изменили делу славянского архиепископа, отказались от славянской литургии и перешли на сторону немецких священников.

О таком сценарии говорит тот факт, что когда в Моравии в 899–900 гг. развернулась борьба между представителями Папы Римского и баварским духовенством, то она закончилась приходом к руководству местной церковью учеников и последователей Кирилла и Мефодия¹². ПЖКО однозначно говорит о бескомпромиссности духа Климента, которого не испугала и угроза смерти. Тем более не сломало его изгнание, ибо отношение моравских и болгарских властей к ученикам Мефодия было несопоставимым. И если допустить, что Кирилл создал глаголицу, а Климент пришел с ней в Болгарию, то получается, что в благополучной Македонии он отошел от дела всей жизни своих

учителей и дела собственной жизни и вместо глаголицы выдумал буквы по греческому образцу и еще иронично назвал их кириллицей. То есть фактически стал на путь измены. Даже если допустить, что это делалось под давлением греческого духовенства, то почему о таком событии не вспомнил автор ПЖКО (вероятнее всего – Фиофилакт Охридский), сторонник полезности греческого влияния в Болгарии.

Продолжая эту логику, точно так же можно утверждать, что Климент изменил и во втором случае, когда в 893 г. принял сан епископа, но уже новой болгарской церкви с кириллическим, а не глаголическим литургическим языком. Между тем ПЖКО даже не намекает на то, почему, при каких обстоятельствах, какая мотивация заставила Климента согласиться поменять свои взгляды и разорвать с «кирилло-мефодиевской глаголической» традицией.

Переход Климента от глаголицы к кириллице ставит больше вопросов, чем дает ответов. Как тогда выглядит наследование заветам Мефодия, которое декларируется в ПЖКО? Какой авторитет Климента остался у его учеников, если он отказался от того, чему учил их? Каким образом переучивались три с половиной тысячи его учеников, македонских славян – носителей глаголической письменности? Почему никто из учеников Кирилла и Мефодия – Климент, Наум, Константин Преславский не поднялись на защиту наследия Кирилла и Мефодия, их памяти и не отстаивали глаголицу? Как Наум стал учителем новой азбуки? Почему Константин Преславский, изменив делу учителей, стал епископом? В существующих источниках отсутствует логически и исторически обусловленный ответ.

Совсем по-другому вырисовывается картина развития славянской письменности в Македонии, если принять версию кириллического содержания кирилло-мефодиевского наследия. В 886 г. болгарская власть удостоверилась, что более двадцати лет тому назад кириллическая азбука была санкционирована высшим светским и церковным руководством Византийской империи. Это позволило оставить при княжеском дворе Наума и привлечь туда же молодого Константина. Климент занимался распространением кириллицы в Македонии. В таком контексте развития событий логически увязывается свидетельство «Краткого жития Климента Охридского» (первая треть XIII ст.) о том, что Климент «придумал и другие начертания букв, дабы они были более ясными, нежели те, что изобрел премудрый Кирилл»¹³. Язык македонских славян отличался от языка моравских славян, хотя и не существенно, но влиял на знаковый ряд азбуки. Поэтому Климент просто усовершенствовал кириллическую азбуку, приспособив ее к македонскому языку.

Кардинально повлияли на судьбу славянской письменности события правления старшего сына князя Бориса – Владимира Расате. Его попытка восстановить язычество сопровождалась гонениями на греческое духовенство, уничтожением храмов, захватом церковного имущества. Фактически было расчищено пространство для новой славянской церкви. Окраинное положение македонских земель в болгарском царстве сгладило здесь остроту конфессионального вопроса и сохранило кадры славянских церковнослужителей и знатоков кириллической азбуки. Закономерно на Преславском церковном соборе Климент стал первым болгарским и македонским епископом, а кириллическая азбука основой славянской болгарской письменности.

Таким образом, содержание кирилло-мефодиевского наследия в том виде, как его сформулировал Мефодий в конце своей жизни и в каком восприняли его ученики, состояло из веры и знания. Последовательное и непреодолимое следование этим двум духовным ценностям было смыслом всей жизни Мефодия и его брата Константина-Кирилла. Их практической реализацией стали славянская литургия и славянская азбука, известная сейчас как кириллица. Не отказавшись от них под давлением обстоятельств в Великой Моравии, ученики Кирилла и Мефодия Климент, Наум, Константин Преславский не имели каких-либо серьёзных оснований поступать заветами своих учителей в значительно более комфортных условиях Болгарии и Македонии. Принесенная и распространяемая в македонских землях кириллица доказала свою жизненность в славянской среде, содействовала более глубокому восприятию христианства, чем в условиях навязывания греческой литургии и греческой письменности, показала возможности ее использования в религиозных и светских делах. Опыт Македонии стал основанием следующего восприятия кириллицы славянским миром.

¹ Демин О.Б. «Мы пришли дать вам слово». Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. – Одесса, 2003; Он же. Христианское мировоззрение Кирилла и проблема создания славянской письменности // *Rossica antiqua: Исследования и материалы*. 2006. – СПб., 2006. – С. 111–123; Дьомін О.Б. Християнські реалії Візантії середини IX століття та виникнення слов'янської писемності // *Історія в школах України*. – К., 2007. – № 7. – С. 47–49; Демин О.Б. Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа: мог ли он создать глаголицу? // *ДП*. – Вып. VIII. – Одесса, 2008. – С. 119–126; Демин О. Биография как доказательство: к истории создания славянской письменности // *Curriculum vitae*. Гуманітарний метод у гуманітарному знанні. – Одеса, 2009. – С. 35–39; Он же. Византийская философия и создание Кириллом и Мефодием славянской письменности: взгляд историка // *Медієвістика*. – Вып. 5. – Одеса, 2009. – С. 61–68; Он же.

Раннесредневековые европейские конфессионально-культурные реалии и создание славянской письменности // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Вип. 73. – Серія: історичні науки. – № 6. – Чернігів, 2009. – С. 3–7.

² Златарски В. История на Българската държава през средните векове. – Т. I. – Ч. 2. – София, 1971. – С. 212.

³ Чорній В. Історія Болгарії. – Львів, 2008. – С. 47; Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. – М., 1984. – С. 132.

⁴ Иванов С.А., Флоря Б.Н. Комментарии к Пространному Житию Климента // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. – СПб., 2004. – С. 243.

⁵ Пространное Житие Климента Охридского // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Указ. соч. – С.195.

⁶ Там же. – С. 195–196.

⁷ Иваноске О. Македонските словени од VI до IX век. – Скопје, 1962. – С. 82–84.

⁸ Там же. – С. 69.

⁹ Пространное Житие Климента Охридского. – С.197.

¹⁰ Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Указ. соч. – С. 94.

¹¹ Пространное Житие Климента Охридского. – С.200.

¹² Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Указ. соч. – С. 232.

¹³ Краткое Житие Климента Охридского // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Указ. соч. – С.273.

Л. В. Дергачева (Кишинев)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕРБА СО СТРОИТЕЛЬНОЙ ПЛИТЫ 1454 ГОДА ИЗ БЕЛГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ

В 2013 году стараниями А.В. Красножона в фондах Херсонского областного краеведческого музея были обнаружены четыре закладные памятные плиты XV в. (из пяти известных), некогда установленные на стенах белгородской крепости¹. Качественные изображения плит, опубликованные украинским исследователем², как, впрочем, и его высказывания, возобновили дискуссии и привели к новым интерпретациям их надписей и изображений.

Так, в 2013 г. была опубликована статья В.П. Кирилко, посвященная реконструкции элементов с одной из этих плит³. Речь шла о плите, некогда установленной на башне № 3 и датированной 1454 г. В.П. Кирилко привел увеличенные изображения этой строительной плиты, заострив внимание на геральдическом щите, расположенном в нижней части плиты под надписью, помещенной на четырех строках.